

Сиротинин Андрей Николаевич

Россия и славяне

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
А65

А65 **Андрей Николаевич С.**
Россия и славяне / Сиротинин Андрей Николаевич – М.: Книга по Требованию,
2022. – 622 с.

ISBN 978-5-519-73700-5

ISBN 978-5-519-73700-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Настоящая книга составилась изъ отдѣльныхъ очерковъ, написанныхъ въ разное время, но объединенныхъ одною мыслью, однимъ чувствомъ. Всѣ вмѣстѣ обнимаютъ они собою и одинъ предметъ — славянство.

Но существуетъ ли единое, органически цѣльное славянство? Антропологи утверждаютъ, что нѣтъ единой славянской расы, а современная жизнь какъ будто подкрѣпляетъ ихъ теоретическіе доводы зрѣлищемъ только что разыгравшейся на Балканахъ кровавой бойни между сербами и болгарами. Но не шла ли когда-то Москва на Тверь и Тверь на Москву, не боролся ли Новгородъ съ москвичами и не нападали ли москвичи на развернутое широко знамя новгородской святой Софіи? Однако, и въ самомъ пылу борьбы русскій народъ не переставалъ быть единымъ, какъ не такъ давно еще не пересталъ имъ быть и народъ нѣмецкій, несмотря на войну нѣмецкой Пруссіи съ нѣмецкой же Австріей. Что касается антропологии, то для нея нѣтъ и единой чистой расы русской, польской, чешской, французской. Однако и сами антропологи не усомнятся въ томъ, что каждая изъ этихъ народностей является отдѣльною народною личностью.

Славянство, пока о немъ спорятъ ученые, давно уже засвидѣтельствовано живымъ и непосредственнымъ чувствомъ народа. Кто путешествовалъ въ зарубежныхъ славянскихъ краяхъ, помнитъ довольную улыбку привѣта, которая искрится въ глазахъ какого-нибудь славянскаго матроса на пароходахъ австрійскаго Ллойда, когда услышитъ онъ не свою и какъ будто чу-

жую, но въ то же время и свою и родную, разомъ для него далекую и близкую славянскую рѣчь. Прочная, живая и кровная связь, соединяющая славянскіе народы въ единый организм, ощущается даже тамъ, гдѣ наиболѣе сильны междувѣдомственные противоборства. Мицкевичъ часто говаривалъ, что полякъ, когда забудетъ о ранахъ прошлаго, ни съ кѣмъ на свѣтѣ не почувствуетъ себя столь близкимъ и роднымъ, какъ съ русскимъ, и это же, какъ не полька, Элиза Оржешкова, изобразила наше западнорусское крестьянство съ такою любовью, съ такимъ теплымъ и родственнымъ чувствомъ, съ какимъ можетъ быть описанъ только свой, близкій, родной человѣкъ? Живое, реальное чувство родства, не молкнетъ въ простой славянской душѣ. Оно брало и всегда будетъ брать верхъ надъ ученой казуистикой.

При крайней разрозненности историческихъ и географическихъ условій органическое единство славянъ долгое время сказывалось главнымъ образомъ въ языкѣ, который даже и отрицатели цѣлокупнаго славянства признаютъ „цементомъ, связывающимъ отдѣльныя славянскія группы человѣчества въ единое, обособленное цѣлое“. Но языкъ не случайное собраніе словъ и ихъ взаимоотношеній. Народъ слагаетъ въ хранительныя грани родного слова

Всю жизнь свою, свои мечты,
Геройскій мечъ питомца брани,
Понятій нити, мыслей ткани
И чувства свѣжіе цвѣты.

Языкъ—это выраженіе глубокой внутренней жизни народа и потому сходство въ языкѣ несомнительно свидѣтельствуетъ и о сходствѣ въ глубочайшихъ стихійныхъ основахъ народной жизни. Въ XIX вѣкѣ, когда и у самыхъ маленькихъ народовъ проснулось народное самосознаніе, когда вмѣстѣ съ тѣмъ желѣзнодорожныя рельсы прорѣзали самыя недоступныя горы, а сѣть телеграфныхъ и телефонныхъ проволокъ соединила отдаленнѣйшіе концы міра, славянское единство стало воочію для всѣхъ проявляться и въ дѣйстви. И какою же красотою нравственного подвига озарило оно міръ! Освободительныя войны Россіи въ XIX вѣкѣ и осо-

бенно единственная и несравненная война 1877—1878 г. призвавъ къ вольной жизни цѣлый народъ, показала, какъ много можетъ дать человѣчеству объединенное въ дѣйствиі славянство. Не будь Россіи, а въ сердцахъ русскихъ людей славянскаго чувства, которое заставило когда-то юношу Хомякова, засунувъ ножъ за голенище, бѣжать изъ дому для освобожденія славянъ, не было бы теперь ни свободной Болгаріи ни независимой Сербіи. Освободительной была и только что прошедшая балканская война противъ Турціи. Побѣдоносный маршъ сербовъ, подвиги болгаръ подъ Адрианополемъ и Киркъ-Килиссе горячимъ сочувствіемъ отзывались въ каждомъ, кто не утратилъ въ себѣ человѣка: они снимали многовѣковыя цѣпи съ рабовъ. Казалось уже, что всходить надъ широкими равнинами славянства солнце, и мы не жалѣемъ, что отблески его и теперь, когда тучи вновь заволокли славянское небо, остались горѣть на нѣсколькихъ страницахъ нашей книги и въ ея заключительныхъ словахъ. Что было самоотверженнаго въ первой балканской войнѣ не останется безъ плода, и кто видѣлъ побѣдный свѣтъ солнечныхъ лучей, и во тьмѣ ихъ не забудеть. Кто же сталъ бы, смотря на покрытое темными облаками сѣрое небо, увѣрять, что солнца вовсе не существуетъ?

Источникъ свѣта, которымъ горитъ славянская идея, заключается однако отнюдь не въ одной только кровной связи, существующей между отдѣльными народами славянскаго племени. Каждый народъ, какъ и отдѣльный человѣкъ, силенъ и цѣненъ лишь постольку, поскольку онъ свое дѣло связываетъ съ дѣломъ Высшей Правды, ибо въ конечномъ счетѣ политическая мощь народа зиждется не на количествѣ штыковъ, а на силѣ нравственныхъ подвиговъ. Содержаніе славянской идеи съ этой точки зрѣнія давно уже опредѣлено сознаніемъ лучшихъ людей и писателей славянства, его исторіей и даже современнымъ положеніемъ большинства славянскихъ народовъ. Хомяковъ звалъ Россію „обнять любовью своей все народы, всемъ имъ сказать таинство свободы“. О томъ же въ примѣненіи ко всему славянству училъ въ своихъ парижскихъ лекціяхъ и Мицкевичъ, и наконецъ въ наши дни,

уже не пожеланія высказывая, а закрѣпляя въ словѣ факты, писалъ о Россіи и русскомъ языкѣ Ашкерцъ:

О, нѣтъ! ты не орудье силы темной:
Ты свѣта властелинъ, ты гонишь ложь!
Глашатай истины ты и свободы,
Изъ тьмы ты къ солнцу правды насъ ведешь!
Да свѣтитъ же твой яркій, мощный свѣточъ
Отъ дальнихъ Балта синяго береговъ
Черезъ горы, доль, черезъ тундры и черезъ рѣки
До океана Тихаго валовъ!
Отъ солнца Индіи до странъ полночи
Простертыхъ въ прахъ къ счастью да вовесть,
Народы къ жизни воздвигаетъ новой
И всѣмъ имъ вѣсть спасенія несетъ!

Жестомъ вольнымъ и къ волѣ зовущимъ обрисовалось въ исторіи славянство и, если у него были и есть минуты паденія, то не ими, а взлетами ввысь мѣряется сила человѣка и народа. Славянская идея есть идея свободного развитія силъ человѣческихъ и народныхъ и потому она идея высокочеловѣчная и, кто служить ей, тотъ служить человечеству. Авторъ этихъ строкъ не славянофилъ и не панславистъ. Онъ далеко стоялъ и стоитъ отъ общеславянскаго дѣланія послѣдняго времени. Но не надо быть славянофиломъ, чтобы подписаться подъ памятными словами Хомякова, давно опредѣлившими для Россіи нравственный долгъ, составляющій весь смыслъ и задачу существованія ея и всего славянства: „Мы будемъ, писалъ Хомяковъ, какъ и всегда были, демократами между прочихъ семей Европы; мы будемъ представителями чисто человѣческаго начала, благословляющаго всякое племя на жизнь вольную и развитіе самобытное“.

Чужую бѣду лучше и живѣе чувствуетъ тотъ, кто самъ шель дорогой горя. Какъ мы уже сказали, самыя условія современной жизни толкаютъ славянъ къ осуществленію только что указанной задачи. Нѣтъ въ Европѣ Западной народа болѣе униженнаго и обездоленнаго, чѣмъ славяне. Правда, на нашихъ глазахъ пали теперь съ христіанско-славянской райи оковы турецкаго ига, но еще во всей силѣ давить славянъ еще худшее иго мадыарско-нѣмецкое. Мы всего менѣе склонны уменьшать великія заслуги

передъ человѣчествомъ благороднаго нѣмецкаго народа. Но нельзя же не видѣть, какое одностороннее и извращенное развитіе приняли его силы за послѣднее столѣтіе. Съ Шиллеромъ и мечтами маркиза Позы вступали нѣмцы въ XIX-ый вѣкъ, а кончили Бисмаркомъ и преклоненіемъ предъ грубою силой. Идеаль порядка и дисциплины превратили они въ идола чисто внѣшней принудительности и узаконеннаго насилія надъ живой человѣческой и народной личностью. Высоко воздвигнуть ими алтарь матеріальной культуры, но, какъ бы ни цѣнить ея блага, за высшее начало никогда не признаетъ ее славянское чувство и здѣсь скрыто, но постоянно совершается борьба между двумя мірами славянскимъ и нѣмецкимъ. Было бы непростительнымъ заблужденіемъ закрывать на это глаза. Надменно и увѣренно стоитъ на старыхъ вѣрнопостныхъ окопахъ Познани статуя Бисмарка. Давно уже попораны желѣзнымъ канцлеромъ всѣ права польскаго народа, но все еще не снимаетъ онъ руки съ рукоятки стараго нѣмецкаго меча, а взоръ его обращенъ не на Познань, что, хотъ и не сдавшаяся, но сдавленная и безсильная, лежитъ у его ногъ, но туда, на востокъ, гдѣ за голубою гладью Гопла разстилаются урожайныя поля Куявіи, и еще далѣе, за Вислу, гдѣ уже думаетъ свою вѣковую думу бѣлорусское Полѣсье. Знаетъ канцлеръ, что только оттуда, съ далекихъ равнинъ Россіи можетъ придти ему отпоръ. Но чтобы во имя человѣчества, во имя пользы славянства и самого нѣмецкаго народа отпоръ этотъ былъ дѣйствительный, славянство и Россія должны сознать свое предназначеніе, должны освободиться отъ гипноза нѣмецкой мысли, порождающей такія уродливыя явленія, какъ польское, да отчасти и русское политическое германофилство, должны перестать думать о томъ, что у славянъ не было своего Бисмарка и выявить скорѣе особенности своего народнаго идеала. Хотя Россія тѣснѣйшимъ образомъ связана со славянскимъ вопросомъ со стороны Польши и Руси Галицкой и Угорской, все, что мы дѣлали до сихъ поръ для славянства, было всегда скорѣе порывомъ чувства и невольнымъ влеченіемъ вѣрнаго народнаго инстинкта, чѣмъ плодомъ строго обдуманнаго, систематическаго государственнаго дѣйствія.

Сила наша удесятерилась бы, если бы мы дали себѣ ясный отчетъ въ предстоящей намъ задачѣ, если бы съ ясными цѣлями мы соразмѣряли опредѣленные и послѣдовательныя дѣйствія. Тогда и безъ вооруженной борьбы измѣнилось бы въ лучшему положеніе подневольнаго западнаго славянства.

Но чтобы славянство и Россія стали такою одухотворенною мощью, дѣйствительнымъ „глашатаемъ истины и свободы“, какъ называлъ Россію Ашкерцъ, нужно славянамъ не одно только знаніе другъ друга и пониманіе общихъ цѣлей славянства. Нуженъ еще внутренній подъемъ народа, нужно, чтобы широко, сильно и все-сторонне развернулись всѣ его силы. Тутъ славянскій вопросъ соприкасается съ вопросомъ о внутреннемъ развитіи каждаго славянскаго народа. Было бы ошибкою соединять славянскую идею съ какою бы то ни было политической партіей. Ей служили и служатъ люди самыхъ разныхъ политическихъ направленій, Хомяковъ и Герценъ, Пыпинъ и Аксаковъ, лѣвые и правые. Это идея общенародная. Каждая новая школа, каждый приростъ знаній и практическаго опыта, каждое завоеваніе общественной самодѣятельности укрѣпляетъ ея силу. Здѣсь каждый камешекъ нуженъ, потому что сложно и многотрудно возводимое славянствомъ зданіе и только объединенными силами всего народа можетъ оно быть создано.

У болгарскаго поэта, Кирилла Христова есть стихотвореніе „Славянское солнце“. Утро. Заря уже занимается. Ударилъ первый колоколъ. На высокихъ Татрахъ и Карпатахъ, на Шаръ-планинѣ и зеленомъ Балканѣ, на Чешскихъ горахъ и царственныхъ вершинахъ Кавказа давно уже собрались славянскіе народы и ждутъ, когда же наконецъ покажется солнце. А его все нѣтъ и нѣтъ. Очевидно, что съ той высоты, на которой мы стоимъ, его и нельзя увидѣть.

Небо то румяній. Въ безмѣлвіе дѣлбоко
Стоимъ и чакаме отъ модри виспини
Туй чудно слѣнце ний.—Славяни! по-високо!
Не можемъ го видѣ отъ тия планини!
Алѣють небеса. Въ безмолвіи глубокомъ
Стоимъ и ждемъ мы съ неба солнца своего.
Славяне! Вы еще подиялись не високо.
Взойдите вверху,—и вы увидите его!

Подъ силу ли будетъ славянству этотъ новый подъемъ? Осу-
ществить ли оно свой подвигъ? Исполнить ли его Россія? Не
вѣрить въ это значитъ не вѣрить въ торжество правды. О чемъ
же съ дѣтства шумѣлъ намъ нашъ могучій полѣсскій боръ? Что
сулилъ намъ гулъ широколиственной русской дубравы, ласкаю-
щей и всѣхъ манящей въ свою привольную тѣнь? Мы выросли
на нескончаемомъ просторѣ русскихъ равнинъ, гдѣ взоръ летитъ
въ даль и не находитъ ей конца. Намъ напѣвала пѣсни наша
Волга, „это знаменье воли для вольныхъ, для раздольныхъ умовъ,
тѣснотой недовольныхъ“. И это все было напрасно? Не можетъ
быть! Мы не были бы русскими, если бы не любили Россіи, не
вѣрили въ нее.

И пусть вокругъ въ предѣлахъ даже самого славянства бу-
шуетъ море вражды, мы и тогда не откаемся въ „побѣдѣ и надъ
бушующимъ потокомъ ненависти смѣло поднимемъ масличную
вѣтку міра, потому что знаемъ, что несемъ всѣмъ враждующимъ
одно, что на землѣ вѣчно и никогда не умираетъ, — любовь.

24 іюля. Влоцлавскъ.

ПУШКИНЪ И СЛАВЯНЕ.

Людевитъ Штуръ. Элегія на смерть Пушкина. (Съ чешскаго).
Андрей Сладковичъ. Духу Пушкина, пер. Берга. (Со словацкаго).
Свѣтозаръ Гурбанъ-Ваянскій. Передъ памятникомъ Пушкина. (Со словацкаго).
Ярославъ Врхлицкій. Пушкинъ у моря. (Съ чешскаго).
Петръ II Нѣюшъ. Сѣни Алекс. Пушкина. (По сербски).
Иванъ Вазовъ. Столѣтіе Пушкина. (Съ болгарскаго).
Антонъ Ашкерцъ. Царскосельскій памятникъ юношѣ-Пушкину. (Со словенскаго).
Адамъ Мицкевичъ. Отрывокъ о Пушкинѣ изъ 3-ей части «Дзядовъ». (Съ польскаго).